

На правах рукописи

Г. Д. БАРНОВ

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОЭЗИИ ВАЖА ПШАВЕЛА

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Издательство Академии наук Грузинской ССР

Тбилиси — 1963

ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

На правах рукописи

Г. Д. БАРНОВ

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОЭЗИИ ВАЖА ПШАВЕЛА

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель — доктор филологических наук,
профессор М. Я. ЧИКОВАНИ

Издательство Академии наук Грузинской ССР

Тбилиси — 1963

Защита состоится в Тбилиском государственном педагогическом институте им. А. С. Пушкина (Тбилиси, проспект Чавчавадзе, 32) *в конце мая* 1963 г.

Автореферат разослан 29. V 1963 г.

Изучение фольклорно-литературных связей — одна из важнейших задач современного литературоведения. Как известно устное творчество является зеркалом духовной жизни народа. «На этом материале, — отмечал Ленин, касаясь сборников русского фольклора, — можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народа... Это доподлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии в наши дни»¹. И действительно, трудно переоценить роль устного творчества в деле изучения быта, психологии и чаяний трудового народа. Фольклор всегда оказывал значительное влияние на мировую прогрессивную литературу. Велика его роль также в становлении критического и социалистического реализма.

Лучшие традиции народной словесности наиболее глубоко, всестороннее развитие получили в советской литературе — самой народной и передовой литературе мира. Известно отношение к народному творчеству создателя и классика социалистического реализма М. Горького. Он считал, что художественное творчество народных масс всегда было и остается живительным источником подлинного искусства и литературы. «Мильтон и Данте, Мицкевич, Гете и Шиллер, — отмечал М. Горький, — возносились всего выше тогда, когда их окрыляло творчество коллектива, когда они черпали вдохновение из источника народной поэзии, безмерно глубокой, неисчислимо разнообразной, сильной и мудрой»².

Великий грузинский поэт и писатель Важа Пшавела (Лука Разикашвили, 1861 — 1915 гг.) принадлежит к числу тех художников, творчество которых было тесно связано с фольклором родного народа.

¹ В. И. Ленин. О литературе и искусстве, 1960, стр. 691.

² А. М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. XXIV, 1953, стр. 33 — 34.

В благодатной народной почве коренятся патриотические мотивы его творчества, возвышенный гуманизм бесмертного поэта. Здесь — истоки здорового оптимизма, которым проникнуты его лучшие творения. Литературное наследие поэта пользуется огромной популярностью далеко за пределами Грузии. В 1961 году, по решению Всемирного Совета Мира, все прогрессивное человечество торжественно отметило 100-летие со дня рождения великого грузинского поэта-гуманиста.

Исследованию отношения Важа Пшавела к устному творчеству грузинского народа посвящена представленная диссертационная работа «Фольклорные источники поэзии Важа Пшавела». Работа (объемом в 279 стр. машинописного текста) состоит из предисловия, введения и двух основных глав: «Фольклорные источники лирики Важа Пшавела» и «Фольклорные источники поэм Важа Пшавела».

Введение к диссертации посвящено двум вопросам:

а) Важа Пшавела в дореволюционной литературной критике.

б) Важа Пшавела — собиратель и исследователь фольклора.

Первое же выступление Важа Пшавела на литературном поприще привлекло внимание широкой общественности. Начиная с 1886 г., грузинская литературная критика проявляла неослабный интерес к творчеству Важа Пшавела. В задачу автора диссертационной работы, конечно, не входило исчерпывающее рассмотрение всех статей, посвященных творчеству Важа Пшавела в дореволюционной литературной критике. Нами подробно рассмотрены, в основном, те статьи или их части, в которых речь шла о связи литературного наследия поэта с народным творчеством. С этой точки зрения во введении к диссертации рассмотрены статьи: И. Накашидзе («Поэзия Важа Пшавела», журн. «Квали», 1896 г., №№ 44, 45, 47, 49, 51, 52); А. Хаханашвили («Очерки по истории грузинской словесности», 1906, стр. 383 — 389); И. Вартагава («Песнь сына гор Важа Пшавела», журн. «Ганатлеба», 1913 г., № 10, 1914 г., № 1, 2, 3, 4); С. Хундадзе («Важа Пшавела», газ. «Самшобло», 1915 г., № 145, «Памяти гордого сына гор Важа Пшавела», «Самшобло», 1915, № 147); Г. Кипшидзе («Новейшие грузинские поэты Бачана и Важа Пшавела», газ. «Новое обозрение», 1896 г., № 4139) и других авторов.

В этих статьях и исследованиях подчеркивается близость творчества Важа Пшавела к народной словесности. К самому факту этой близости критики относились по-разному: одни считали ее несомненной заслугой Важа Пшавела, а другие приписывали этот факт слабости и ограниченности поэта.

Большинство критиков сходилось в том, что близость творчества Важа Пшавела к фольклору — исключительное, беспримерное для грузинской литературы явление, объяснение которому они искали в биографии поэта. Другая же часть исследователей справедливо усматривала в этой близости продолжение лучших традиций грузинской литературы, а исключительный интерес поэта к народному творчеству объясняла преимущественно его общественной позицией.

Общим недостатком этих исследований является тот факт, что авторы довольствовались априорными суждениями, не рассматривали конкретного материала. (Единственным исключением можно считать статью И. Накашидзе, в которой рассмотрен один из фольклорных источников поэмы Важа Пшавела «Гиглиа»). Интенсивная работа в этом направлении началась только после установления Советской власти в Грузии. Такие исследователи, как А. Шанидзе, М. Чиковани, К. Сихарулидзе, М. Зандукели, Д. Бенашвили, Г. Кикнадзе, А. Гачечиладзе, С. Кубанейшвили и многие другие в своих трудах специально касались вопроса о фольклорных источниках творчества Важа Пшавела. (Работы перечисленных авторов, рассмотрены в диссертации при исследовании того или иного конкретного вопроса). Установлены источники некоторых произведений Важа Пшавела. Следует отметить, что изучены в основном поэмы Важа Пшавела, лирика же в этом свете исследована мало. В диссертационной работе преимущественно рассмотрены фольклорные источники главным образом тех произведений поэта, которые не изучены с этой точки зрения, или же изучены недостаточно. Здесь же необходимо подчеркнуть, что хотя фольклорные источники некоторых произведений писателя уже изучены, мы возвращаемся к ним, когда приводим новые материалы относительно этих источников, а также в тех случаях, когда считаем нужным высказать свое мнение по отдельным спорным вопросам.

Со второй половины 19 века в Грузии начали уделять особое внимание собиранию фольклора. Представители молодой прогрессивной интеллигенции, так называемые «тергдалеули», воспитанные на передовых идеях русского демократического движения, по-новому подошли к народному творчеству и взялись за его изучение. В этом деле принял активное участие и Важа Пшавела.

Важа Пшавела родился в глухом горном селе Чаргали. В то время в некоторых горных районах Грузии все еще сохранялись пережитки первобытного общинного строя. Великий поэт с детства был близко знаком с народным бытом, обычаями, фольклором. В этом большую роль сыграла и семья писателя, где свято хранились традиции народной поэзии. Из этой семьи, кроме Важа Пшавела, вышли известный поэт Бачана и выдающийся исследователь и собиратель народной словесности Тедо Разикашвили, оставивший значительный след в культурной жизни Грузии.

Уже в школьные годы Важа Пшавела проявлял серьезный интерес к народной словесности. По материалам, сохранившимся в периодике того времени и в личном архиве поэта, можно судить о том, какую интенсивную работу вел молодой Важа, собирая стихи, былины, сказки, поговорки, легенды и др. Им собраны свыше трехсот текстов. Несмотря на неудовлетворительную, с современной точки зрения, паспортизацию текстов, Важа Пшавела сохранил для истории грузинской словесности несколько имен народных сказителей. Интересно отметить, что некоторые стихотворения из репертуара этих сказителей и ныне распространены среди пшавов и хевсуров.

Помимо собирания фольклорных текстов Важа Пшавела вел их глубокое исследование. Фольклористические взгляды великого поэта широко известны. Он тонко разбирался в специфических вопросах фольклора. Важа Пшавела придавал народному творчеству значение исторического источника. Так, например, при характеристике одного периода из истории Пшав-Хевсурети он основывался исключительно на фольклорном материале, в частности — на цикле стихотворений о Зурабе Эристави (Несколько слов о жизни народа в Пшавии, газ. «Цнобис Пурцели», 1902, № 2012).

Важа Пшавела интересовался не только историческим фольклорным материалом. Питливый ум исследователя под-

мечал проникновение в народную словесность новых мотивов, настроений, вызванных изменениями общественной жизни, народного быта.

Важа Пшавела как исследователь стоял на уровне передовых научных позиций того времени. В своих фольклористических воззрениях он придерживался антропологической теории.

ГЛАВА I

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЛИРИКИ ВАЖА ПШАВЕЛА

Грузинская народная словесность может с полным правом гордиться не только тем, что создала такие блестящие произведения, как «Амираниани», «Этериани», «Баллада о тигре и витязе» и др., но и тем, что оказала глубокое влияние на творчество Важа Пшавела, способствовала развитию необычайного дарования великого поэта и мыслителя.

Писатели Грузии и ранее обращались к фольклору, используя его в своих произведениях. Вспомним хотя бы Сулхана-Саба Орбелиани, Д. Гурамишвили³, Бесики, и др. Важа Пшавела является достойным продолжателем славных традиций грузинской литературы.

Главными мотивами народного творчества и, в частности, пшавско-хевсурской поэзии, являются отвага и героизм. Важа Пшавела с детства подвергался влиянию героической поэзии. «Героические сказания приводили меня в неописуемый восторг, и именно этот период лег в основу моего творчества», — писал он⁴. Как отмечает Важа Пшавела в статье «Идеал героя в пшавской поэзии», народ не только воспевал героя, его деяния, но и «наделял героя, по своему вкусу, соответствующими моральными и физическими чертами, дабы сделать его более привлекательным во всех отношениях»⁵.

Для того, чтобы сделать образ идеального героя еще более ярким; в народных стихах ему противопоставлен трус-

³ Д. Гурамишвили в своей поэзии использовал не только грузинский, но и русский и украинский фольклор.

⁴ Важа Пшавела, Полное собрание сочинений, 1961, т. V, стр. 302 (на грузинском языке).

⁵ Там же, стр. 72;

ливый человек, которого народ жестоко осмеивает как бесполезного для родины.

В соответствии с народным идеалом героя Важа Пшавела создал известное стихотворение «Добрый молодец». Вслед за фольклорной традицией, поэт в первой части стихотворения создает образ героя, а затем изображает ничемного, бесполезного человека. Родство этого стихотворения с циклом аналогичных народных произведений не вызывает сомнений. Проф. М. З. Зандукели в своей книге «Важа Пшавела» (1953 г.) пишет: «Мы полагаем, что Важа Пшавела пользовался этими хевсурскими вариантами при создании своего стихотворения «Добрый молодец». Исходя из указаний самого поэта, а также на основе собственных исследований, проф. Зандукели находит народные истоки стихотворения «Добрый молодец» в хевсурском материале и приводит много интересных параллелей. Автор, однако, упускает из виду материалы пшавской народной словестности, которые так же несомненно использованы в этом стихотворении. Родство некоторых строк стихотворения «Добрый молодец» с народной словесностью станет особенно ясным, если обратиться к пшавской поэзии и посвященным ей статьям Важа Пшавела.

Более того, в этом стихотворении использована не только героическая поэзия, но и народные причеты со своей традиционной символикой.

К этому жанру относится стихотворение «Смерть героя». Приведем несколько отрывков из него:

Добру молодцу-удальцу
Смерть его сновиденьем кажется.
Кровь течет по его лицу,
А она ему потом кажется.
На носилки его кладут,
Он в седле сидит — ему кажется.

Вот лежит он в могиле сырой,
А могила постелью кажется.
В изголовье камень большой

Мягкой белой подушкой кажется.
Засыпают его землей —
Одеялом она ему кажется...

и т. д.
(Перев. Н. Глазкова).

У Важа Пшавела («Добрый молодец», пер. В. Державина) это представлено следующим образом:

«...Здравицу поем ему живому,
Пьем за упокой, когда умрет он.
Раны он считал за поцелуи,
Ложе смерти отдыхом зовет он.
Добрый скакуном зовет носилки,
Буркою — надгробья камень голый.
Плач жены, рыдания невестки
Принимает он за смех веселый,
Струи слез — за капли дождевые,
Брызнувшие из весенней тучи.
В царство душ идет во всеоружье,
Просветленный, бодрый и могучий.

В обоих случаях мы имеем дело с одинаковой символикой. Важа Пшавела перерабатывает фольклорный материал и создает на его основе совершенно новый поэтический шедевр.

Одним из лучших образцов произведений героико-исторического жанра является известная баллада Важа Пшавела «Бакури». Она основана на действительном случае. Согласно свидетельству С. Макалатиа: «Враг напал на село Эго. Дочери одного из жителей села Микела обратились к своему отцу с просьбой: лучше умереть от твоей руки, чем быть опозоренными. Микел выполнил их просьбу, убил их, а сам погиб в бою»⁶. В народе сохранилось много стихов, описывающих трагедию села Эго. Если просмотреть тушинские стихотворения и предания, связанные с трагедией Эго, стаёт ясным, что баллада «Бакури» в сюжетном отношении основана на народных материалах. Истребление собственной семьи, как народный мотив, кроме цикла, касающегося

⁶ С. Макалатиа, Тшети, 1934, стр. 102 (на грузинском языке).

села Эго, встречается и в других тушинских стихотворениях, и пока что является их спецификой. Захватчики жестоко расправлялись с побежденными и поэтому в самый критический момент истребление собственной семьи считалось лучшим исходом. Несмотря на большое сходство баллады «Бакури» с циклом народных стихотворений, собственное имя героя в этой балладе, как видим, заменено. Народная словесность систематически указывает на Микела или же Мике, широко известного в Тушети. О нем повествуется и в других народных сказаниях. Спрашивается, почему Важа Пшавела заменил Микела Бакуром? Как выясняется, Бакури — тоже реальная личность, и пользуется не меньшей популярностью в народной словесности. Следует отметить также, что Бакури является героем более широкого диапазона: это — вождь тушинцев. Таким образом, совершенно естественно, что используя материалы той же тушинской словесности, Важа Пшавела свободно мог сменить имя Микела на Бакури. Когда же его баллада получила распространение в народе, то поскольку в ней описывалось конкретное историческое событие, трагедия крепости Эго, тушинцы вновь заменили имя Бакури Микелом. В художественном отношении баллада Важа Пшавела стоит намного выше песен народного цикла. Этим нужно объяснить ее большую популярность в народе. До наших дней она пользуется широкой известностью и входит в репертуар многих сказителей.

Важа Пшавела тонко чувствовал очарование глубоко поэтической пшавской любовной лирики и высоко ценил ее. «Не думаю, — писал он, — чтобы у кого-либо из современных поэтов-интеллигентов, или даже у самого Шота Руставели, это возвышенное чувство и предмет любви были описаны с такой силой и нежностью, как это сделано народом»⁷. В любовной лирике Важа Пшавела отчетливо ощущается влияние традиционного фольклорного материала. Так же, как и в народном творчестве, в стихах великого поэта воспевается возвышенное, рыцарское отношение к женщине.

Следует особо отметить, что в народной любовной лирике, как правило, звучат и героические мотивы. Герой должен защищать свою возлюбленную, преодолевать ради нее любые трудности (вспомним хотя бы юношу из Тавпаравани).

⁷ Важа Пшавела, Полное собр. соч., 1961, т. V, стр. 143 (на грузинском языке).

Героическим мотивам определенное место отведено и в любовной лирике Важа Пшавела. Яркий образ юноши, готового ради своей любви сразиться со всем миром, нарисовал поэт в стихотворении «Любовь пшава», которое имеет глубокие народные корни.

Наряду с традиционной фольклорной символикой в любовной лирике Важа Пшавела мы встречаем также распространенные в народном творчестве сравнения и эпитеты бытового характера.

Важа Пшавела широко использовал народные образы. Одним из них является образ Амирани, который получил свое отражение еще в древней грузинской литературе. Особенно широко использовался образ Амирани в грузинской литературе со второй половины 19 века, и Важа Пшавела одним из первых применил его в качестве символического образа родины. К числу ранних произведений Важа Пшавела относится стихотворение «Амирани» (1884 г.), эпиграфом к которому взяты строки народного эпоса. Автор мастерски описывает состояние прикованного к скале героя, его муки. Прикованный герой напоминает поэту пораженную родину, и он думает о мечте об ее освобождении:

Когда Амирани
Наденет доспех
И слезы страданья
Сменяет на смех?

(Перевод Н. Заболоцкого).

Впоследствии поэт нередко обращался к образу прикованного к скале героя, сравнивая его то с пробуждающейся весенней природой (стихотворение «Весна», 1898 г.), то с судьбой умолкнувшего поэта («Поется и пою», 1903 г.). Во всех случаях Важа Пшавела связывает образ героя с верой в лучшее будущее, с торжеством истины и справедливости.

В творчестве Важа Пшавела получили отражение разнообразные народные представления. Хорошей иллюстрацией этого может служить, например, стихотворение «Царство мрака». В связи с этим необходимо подчеркнуть, что большинство стихотворений, созданных на мотивы потусторонней жизни, имеют дидактический характер и в некоторой мере способствуют утверждению своеобразных моральных норм.

Именно этот аспект народной поэзии вызвал особую заинтересованность со стороны Важа Пшавела.

В грузинском народном творчестве, как известно, широко распространены острая сатира и юмор. Народные произведения юмористического характера также не ускользнули от внимания Важа Пшавела, о чем свидетельствует, например, записанное им народное стихотворение: «Избрали мыши царя, назвали Канафарием». На эти мотивы Важа Пшавела писал и оригинальные стихи: «Песня мышки», «Письмо мышки кошке», «Бунт мышей» и др. Названия этих стихов говорят сами за себя.

Наряду с традиционными народными преданиями Важа Пшавела живо интересовался и современным фольклором, который широко использовал в своем творчестве. В качестве примера можно указать на «Письмо пшавского солдата», близко стоящее к циклу народных стихотворений, а также «Вартану», «Напев», «Песня пшавского пьяницы» и др.

Новые общественные отношения накладывали свой отпечаток на взгляды и обычаи людей. Настали времена, когда «достоинства человека измеряются в соответствии с его экономическим положением»⁸. На смену рыцарскому героизму приходит трусливое упорство торгаша.

Этот процесс со всей яркостью отразился в литературе и народном творчестве.

В героической лирике Важа Пшавела мы встречаем характерное в этом отношении стихотворение «Жалоба меча»:

Заржавел ты, славный горда,
Плесень тронула ножны.
Иль тебя хозяин гордый
Снять не хочет со стены?
— Сгинул, сгинул мой хозяин,
Пал в сраженье за Шамхор,
Сорок раз в бою изранен,
Пролил кровь у края гор.

Нынче мир подобен лавке,
Доблесть нынче не в цене,
Оттого и я в отставке

⁸ Важа Пшавела, Полное собр. соч., т. V, стр. 144.

Плесневею на стене.
Здесь меня в уплату долга
Часто лавочник берет,
И тогда лежу я долго
На прилавке возле счет.
Почему, на радость людям
Вновь не скажет мне герой:
«Меч! Коль славы не добудем,
Не воротимся домой!».

(Перевод Н. Заболоцкого).

Интересно, что аналогичная жалоба меча, вызванная теми же причинами, встречается в народной поэзии. Здесь тоже меч оплакивает свою судьбу, оказавшись в руках труса, и мечтает о храбром хозяине, который вновь даст ему возможность сверкнуть в битве:

Молвил меч: «Уже ржавею,—
В ножны трус меня вложил.
Мне бы храброму достаться,
Вновь изведать бранный пыл!
Мне сверкать бы ярче молний,—
Надоело в ножнах спать!
Пусть клинок бойца прославит,
В грудь вонзаясь по рукоять!».

(Перевод Г. Цагарели).

В народной словесности можно найти и другие стихи на эту тему. В этом отношении следует особо отметить стихотворение, зафиксированное самим Важа Пшавела:

Я — Гвтисо Имерлишвили,
Трудолюбивый, крепкий сердцем,
Лег и задумался о том,
Что кинжал — лучше меча,
Но время обоих прошло,
Некому больше взять их в руки⁹.

Несмотря на тесную тематическую и идейную близость, эти два стихотворения все же отличаются друг от друга. В

⁹ «Народная словесность», под ред. Е. Такайшвили, ч. I, стр. 495 (на грузинском языке).

народном стихотворении только констатируется тот факт, что меч лежит без пользы, и высказана печаль по этому поводу. Важа Пшавела же выявляет жизненную, социальную основу этого факта.

На тесную связь творчества Важа Пшавела с фольклором указывает также широкое использование в его произведениях народной мудрости — пословиц и поговорок, цитирование и переделки народных стихов и песен.

Таким образом, в лирике Важа Пшавела получили своеобразное отражение народный эпос, любовная лирика и другие жанры фольклора.

Все это придает его лирике подлинно народное звучание.

ГЛАВА II

НАРОДНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОЭМ ВАЖА ПШАВЕЛА

С точки зрения литературно-фольклорных отношений особый интерес представляют поэмы Важа Пшавела. Несмотря на то, что поэт в свое время сам указал на фольклорные источники некоторых поэм, в этой области предстоит сделать еще многое.

В диссертационной работе рассмотрены следующие поэмы: «Слово», «Гиглия», «Охотник», «Оленья лопатка», «Раненый тигр», «Сула и Курдгела», «Алуда Кетелаури», «Копала», «Бахтриони», «Змеед», «Несчастный счастливец», «Дзаглика Химикаури» и «Рождественский рассказ». Мы не касаемся поэм «Этери» и «Гость и хозяин», обстоятельно исследованных проф. К. Сихарулидзе и проф. М. Чиковани.

В своих поэмах Важа Пшавела относится к фольклорному материалу по-разному:

а) В некоторых случаях он передает фольклорный материал более или менее точно. При этом, естественно, автор лишен возможности широко проявить свою поэтическую индивидуальность. По этому поводу сам поэт писал: «Вообще нужно сказать, что все те легенды и сказки, которые прошли через горнило моей творческой фантазии, подверглись своеобразной переработке,—оставили свой след в душе читателя, а те из них, которые были мною прямо переложены в стихи

(например, «Полцыпленка») — ни у одного сознательного читателя не вызвали похвалы»¹⁰.

б) В других случаях поэт перерабатывает фольклорный материал, усложняя или упрощая его в сюжетно-композиционном отношении.

Примером упрощения сюжета народного сказания можно назвать поэму «Копала», при создании которой автор отбросил часть эпизодов народной легенды, использовав лишь ее основную сюжетную линию — борьбу героя с дэвами.

В поэме же «Гиглия», построенной по мотивам известного народного стихотворения «В Шатили возвеличился Хохоби», поэт, наоборот, композиционно усложняет фольклорный материал, вводит дополнительных персонажей (друга, сестру и мать героя). Все это отличает поэму от многочисленных вариантов упомянутого народного стихотворения и делает ее более совершенной в художественном отношении.

Рассмотренные примеры иллюстрировали отношение поэта к фольклорному материалу в смысле его сюжетно-композиционной переработки. Однако еще более интересны и характерны другие случаи, а именно:

а) Иногда поэт использует народный мотив, на котором строит сюжетную ткань своего произведения, но тематический замысел, философская тенденция произведения, главная идея и ее решение принадлежат самому автору. Ярким примером этого может служить поэма «Змеед».

б) Важа Пшавела строит свое произведение на конкретном фольклорном материале, но идейно обогащает его, используя для этого опять-таки сокровищницу народного творчества. Так поступает он, например, в поэме «Алуда Кетелаури». Это произведение построено, как говорит сам поэт, на совсем «простой истории, простом случае». Кистины похитили коня Алуды. Алуда нагоняет похитителей, одного убивает из ружья и сражается с другим, по имени Муцал. Алуда убивает и Муцала, но отвага последнего вызывает его искреннее восхищение.

Этому простому народному преданию Важа Пшавела придает глубокий драматизм. Покоренный отвагой врага, Алуда, вопреки народной традиции, во время религиозного народного праздника приносит жертву за упокой души свое-

¹⁰ Важа Пшавела, «О моих поэмах», журн. «Мнатоби», 1934, № 11 — 12, стр. 201 (на грузинском языке).

го врага Муцала, навлекая на себя тем самым гнев своего племени. В этом произведении Важа Пшавела смело разрушает религиозные и национальные преграды, воспевая героизм и отвагу, как общечеловеческие положительные качества. Христианин Алуда видит в магометанине Муцале прежде всего человека, брата, родного ему по духу, и это противопоставляет его обществу, замкнутому в узко традиционных рамках. В какихотношениях находится художественный образ Алуды Кетелаури с народной поэзией? Интересно установить, имеются ли у Алуды предшественники в устной словесности?

Вообще в пшавско-хевсурской поэзии утверждается идея о том, что геройство и отвага — высшие добродетели человека. Герой достоин всяческого уважения и почета. В соответствии с этикой горцев, это правило должно распространяться и на врага: отважного противника следует ценить и даже хвалить, если он этого заслуживает.

В диссертации на многочисленных примерах показано, что уважение к врагу-герою является распространенным мотивом пшавско-хевсурской поэзии.

Приведем некоторые из этих примеров.

Известный в хевсурской поэзии герой Мамука Бучукурели, который боролся против царских властей, был выдан предателем. На дороге, где он должен был проехать, казаки устроили засаду. Между Бучукурели и казаками произошло сражение, в котором проявил особый героизм один кистин, сражавшийся на стороне казаков. Правда, Мамука убил и его, но народный сказитель восхваляет отвагу этого врага (кистина), благославляя его воспитателя:

Кистин, да будет благословен твой воспитатель!

Сердце у тебя было крепкое...

Аналогичное обращение к павшему врагу-герою влагает Важа Пшавела в уста Алуды Кетелаури:

«Мир душе твоей бесстрашной,

О герой, убитый мною!

Видно, хорошо взлелеян

Был ты матерью родною...».

(Перев. В. Державина).

Существуют многочисленные старинные записи народных стихотворений, посвященных известному герою Торгва. В одной из таких записей рассказывается о том, как Торгва, убив-

ший Важусдзе, в знак уважения снял с себя бурку и укрыл ею побежденного героя:

Меч он положил тебе у изголовья,
Укрыл тебя буркой, влажной от росы...

Алуда Кетелаури — достойный наследник обычаев и традиций своих фольклорных предшественников:

Буркой он накрыл Муцала,
Положил на сердце щит...
(Перев. В. Державина).

Как известно, по хевсурскому поверью, победитель должен отсечь правую руку поверженного врага, — не сделав этого, он навлечет на себя позор:

Наскваурисдзе на войне, не скоро он вернется.
Убивая врагов, он не отрубает им рук;
это — не по хевсурским обычаям.

Отрубай руку, Наскваурисдзе, —
без этого нет славы.

Таким образом, сказитель здесь предостерегает, что такое отношение к врагу заслуживает осуждения. Видимо, были люди, — хотя бы тот же Наскваурисдзе, — которые из чувства гуманности или по какой-то другой причине, нарушая закон племени, не отрубали руку врага. Бесспорно, при создании художественного образа Алуды Важа Пшавела широко пользовался фольклорными материалами такого характера.

Как мы уже указывали, Важа Пшавела придавал народному творчеству значение исторического источника. Убедительным примером этого может служить использование поэтом народных стихов о взятии крепости Бахтриони при создании своей одноименной поэмы. Историческая тема восстания против захватчиков, тема бахтрионской битвы пользовалась исключительной популярностью в грузинской литературе — как в духовной, так и в светской. Из духовных писателей можно упомянуть Николоза Тбилели и католикаса Антония I. Н. Тбилели посвятил небольшое стихотворение участвовавшим в восстании Шалве, Бидзине и Элизбару, тогда как Антоний не только воспел этих героев в поэтической форме, но и посвятил им произведение мартирологического ха-

рактера: «Восхваление святых мучеников Бидзины, Шалвы и Элизбара и повесть об их мученичестве»¹¹.

Следует подчеркнуть, что во всех литературных произведениях внимание главным образом заострено на главарях восстания. Летописец, восхваляя эриставов, сложивших голову за свою родину, полностью игнорировал имена героев, вышедших из народных масс. Зато героизм этих последних стал источником вдохновения для народного творчества. Важа Пшавела при создании своей поэмы целиком и полностью опирается на народные материалы.

Поэзия Важа Пшавела близка к народному творчеству и по своим художественным приемам. Метафорическое мышление поэта зачастую оказывается обусловленным традициями народной словесности. Укажем здесь на один из приведенных в диссертационной работе многочисленных примеров. В поэме «Гиглиа» при описании сумерок Важа Пшавела пишет:

И сова печально окликает
За горой оставшегося брата...

Понять смысл и значение этой метафоры можно только в том случае, если учесть ее народные истоки. Поэма «Гиглиа» написана в 1886 г. В 1909 году Важа Пшавела пишет сказку для детей «Как появились совы на свет». В этой сказке бессердечная мачеха посылает Мзию и Вепхви ночью в лес на поиски пропавшего скота. Лес полон зверей. Испуганные дети просят создателя превратить их в птиц. «Несколько тысяч лет прошло с тех пор, а они все еще усердно ищут утраченное, зовут друг друга, спрашивают: «Нашел? Нашел?» — «Нет, нет!» — доносится в ответ. И заключают свои бесплодные поиски восклицанием: «Ой, мама, ой мамонька».

В архиве известного собирателя фольклора П. Умикашвили нами обнаружены два текста, записанные в 1884 г., которые свидетельствуют о том, что сказка Важа Пшавела создана на основе народной легенды.

Важа Пшавела часто использует фольклорные художественные образы. Так, например, жалоба пастуха в поэме «Бахтриони»:

¹¹ С. Кубанейшвили, Герои Бахтриони в грузинской литературе и народной словесности. Тб., 1953, стр. 5, (на грузинском языке).

Двадцать лет постель мне — горы,
Небо вместо одеяла,
Двадцать лет я, словно буркой,
В бурю укрывался тьмой, —
(перев. В. Державина)

находит много параллелей в народном творчестве:

Трудно, брат, быть пастухом,
Утомится и добрый молодец!
Нет, у нас ни дома, ни дверей,
Мы укрываемся черными туманами небес,

или же:

Туманами горных пастбищ
Я укрываюсь как буркой.

Поэзия Важа Пшавела близка к народной и в версификационном отношении. Лучшие стихи и поэмы Важа Пшавела написаны т. н. «шайри» — метром, почти безраздельно господствующим в хевсурской поэзии.

Несомненная близость творчества Важа Пшавела к народной поэзии заметна также в структуре и характере рифмы, в использовании просодических гласных («о» и «о») и многих других особенностях стиха великого поэта.

Использование в поэзии Важа Пшавела префиксов «дз» и «дз», частое употребление суффиксов «б» и «о» для обозначения множественно числа, а также существительных, глаголов и союзных слов в усеченной форме¹², — все это указывает на значительное влияние пшавского диалекта.

Важа Пшавела вел интенсивную работу не только по собиранию фольклорных материалов, но с большим художественным чутьем, вдумчивостью и научной точностью определял их общественно-культурную ценность и научное значение. Вскрывая их общечеловеческое идейно-философское содержание, Важа-Пшавела переплавлял его в горниле своего творчества, создавая близкие народу по духу произведения, отмеченные печатью высокого поэтического гения.

«Все, должно быть, хорошо знают, — говорил великий поэт, что народное сказание... если только оно не переработано»

¹² М. Зандукели, Важа Пшавела. 1953, стр. 280 — 281, (на грузинском языке).

но поэтом, не переплавлено им в горниле собственной души, а лишь пересказано в том виде, в каком передает его народ... не может утвердиться, не найдет себе место в сердце народа и не будет поэтому считаться произведением искусства»¹³.

Творческая лаборатория великого поэта необычайно богата. Он оставил после себя поистине бессмертные творения, в которых мастерски слиты воедино общечеловеческие идеи и изумительная простота изложения.

Основательное изучение фольклорных источников творчества Важа-Пшавела помогает сосредоточить внимание на индивидуальных особенностях литературного наследия поэта, вскрывая его глубокие национальные корни.

Творческая практика Важа Пшавела — классический пример использования сокровищницы народного творчества.

Основное содержание диссертационной работы опубликовано в следующих трудах:

1. Важа Пшавела — собиратель и исследователь народной словесности, «Литературные разыскания», т. XII, 1959, стр. 281 — 297 (на грузинском языке),

2. Народные истоки поэзии Важа Пшавела (на грузинском языке), изд. Академии наук Грузинской ССР, Тб., 1960, 3, 48 печ. листов.

¹³ В. Пшавела, Избранное, Тб., 1959, стр. 291—292

გ. დ. ბარნოვი

ვაჟა-ფშაველას პოეზიის ფოლკლორული წყაროები

(რუსულ ენაზე)